

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ, ЦЕЛЬ, МЕТОДЫ, ЕДИНИЦА АНАЛИЗА

С.В. Иванова

В статье освещаются требования, которым должен удовлетворять современный научный текст. В частности, поднимаются вопросы, относящиеся к метаязыку научного исследования в том, что касается описания его основных элементов (актуальность, цель, методология и единица анализа). Заспамленность научного текста, которая выражается в переписывании самоочевидных истин, неоправданном использовании терминологического аппарата «раскрученных» парадигм, чему способствуют научная конъюнктура, давление системы и стандарта, а также отсутствие репутационных потерь при выпуске пустых публикаций, может быть преодолена, если в научном сообществе будет регламентирован метаязык научных публикаций. В институциональном отношении научная коммуникация должна удовлетворять требованиям стандарта. В коммуникативно-прагматическом плане текст научной публикации должен отвечать принципам кооперации Г. П. Грайса (количество, качество, релевантность и способ). В научной коммуникации должны быть учтены жанровые особенности научного нарратива (композиция, тематика, слог). Соединение институционального, коммуникативно-прагматического и жанрового стандартов позволит избежать обесмысливания и обесценения научной коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научная коммуникация, научный дискурс, метод, актуальность, новизна, предмет исследования, единица анализа

ИВАНОВА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германской филологии и лингводидактики Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, профессор кафедры перевода и переводоведения Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина,

почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. s.ivanova@lengu.ru

Цитирование: Иванова С.В. Черный квадрат научной коммуникации: актуальность, цель, методы, единица анализа [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 3. – С. 140–157. Режим доступа: www.tverlingua.ru

**THE BLACK SQUARE OF ACADEMIC COMMUNICATION:
RELEVANCE, AIM, METHODS, UNIT OF ANALYSIS**

Svetlana V. Ivanova

The article touches upon the problems associated with the requirements that an academic text must satisfy. In particular, questions are raised related to the metalanguage of academic research in terms of describing its main elements (relevance, purpose, methodology and unit of analysis). The spamming of the academic text, which is expressed in the rewriting of self-evident truths, the unjustified use of the terminological apparatus of “fashionable” paradigms, which is facilitated by the conjuncture, the pressure of the system and the standard, as well as the absence of reputation losses when issuing shallow publications, can be overcome if academia will regulate the research metalanguage. Academic communication should meet institutional requirements reflected in academic standards. In a communicative and pragmatic sense, the text of a scientific publication must comply with G. P. Grice’s principles of cooperation (quantity, quality, relevance and manner). Academic communication should take into account the genre features of the academic narrative (composition, theme, style). The combination of institutional, communicative & pragmatic and genre standards will help avoid meaninglessness and devaluation of academic communication.

KEY WORDS: academic communication, academic discourse, method, relevance, novelty, subject matter, unit of analysis

IVANOVA Svetlana V. – DSc in Philology, Professor, Head of the Romance and Germanic Philology and Linguodidactics department of Pushkin

Leningrad State University; professor of the translation and translatology department of Pushkin Leningrad State University. s.ivanova@lengu.ru

Citation: Ivanova S.V. The black square of academic communication: relevance, aim, methods, unit of analysis [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2021, № 3. – P. 140–157. Access mode: www.tverlingua.ru

Введение: прокрустово ложе стандарта

То, что состояние современной научной коммуникации вызывает серьезную озабоченность, уже не вызывает больших сомнений. С одной стороны, к настоящему моменту в академическом дискурсе накопилось достаточно больных точек, которые требуют осмысления и решения. С другой стороны, научное сообщество заинтересовано в научной коммуникации, которая бы отвечала критерию качества. В результате на разных площадках все чаще и чаще вспыхивают дискуссии неофициального плана или организуются обсуждения институционального уровня, появляются публикации – от статей до книг, в которых горячо обсуждаются назревшие для академии проблемы (Хазагеров, 2010; Леонтович, 2011; Комарова, 2012; Сайко, 2015; Дубровская, 2019; Иванова, 2019; Камшилова, Чернявская, 2020).

Представляется, что в настоящее время институциональная научная коммуникация переживает трансформационный период, который отмечен двумя противоположными векторами. Один из них можно охарактеризовать как дисфункцию научной коммуникации, в то время как другой представляет собой стремление к ее стандартизации. Дисфункция институциональной научной коммуникации предполагает рассогласованность и / или сбой в работе социального института (Хазагеров, 2010: 6). Продолжающаяся и углубляющаяся десемантизация ряда научных публикаций, в которой наиболее ярко проявляется дисфункция, лишь подчеркивает верность поставленного диагноза. О серьезности положения лишний раз

свидетельствуют оповещения диссернета, нарастающий вал мусорных статей в т.н. мусорных журналах и т.п., неумение части исследователей поставить релевантную цель исследования, отсутствие или эклектичность методологии, потеря предмета исследования, наукообразный язык, за которым кроется пустота, самоочевидность выводов и т.п. Пожалуй, список симптомов нездоровья больше, чем приведено здесь. Но и всё вышеназванное представляет собой серьезные вызовы, которые необходимо преодолеть, чтобы научная коммуникация не потеряла свой статус, качество и смысл.

В силу всего перечисленного раздаются голоса, что пришло время унифицировать требования к научным публикациям, ввести некий инструмент, который бы остановил или упорядочил наблюдаемую и обидную для научного сообщества разносортницу, когда научная коммуникация теряет печать институциональности, порою превращаясь в свое слабое подобие. Чтобы преодолеть это положение и, кроме того, чтобы вписаться в мировой научный контекст практически любой научный журнал сейчас требует от своих авторов выполнения определенных требований: оговаривается объем и содержание аннотации, неписаным правилом становится количество источников, регламентируются их годы издания, накладывается вето на ссылки на учебную литературу, прописывается структура статьи (т.н. IMRAD).

В настоящей публикации хотелось бы обсудить некоторые аспекты, которые составляют качество научной публикации в настоящее время. Времена, когда вузовские работники писали по одной-две статье в год, канули в Лету, как, собственно, в лихие 90-е забылись и требования, которые предъявлялись в уже далеком советском прошлом к тем немногочисленным публикациям. Нулевые оставили после себя мозаичное полотно научной коммуникации со своими светлыми и темными пятнами. В результате второе десятилетие XXI века практически стало той точкой отсчета, когда начал целенаправленно складываться новый стандарт научной публикации – сначала стихийный, но в дальнейшем институциональный. Станет ли этот

стандарт золотым? И что нужно, чтобы он им стал? Или, что мешает ему стать таковым? На эти вопросы и хочется ответить в данной статье, поставив цель определить маркеры, в которых воплощается стандарт научной публикации, выступающей репрезентантом научной коммуникации. В связи с тем, что жанры научной коммуникации представлены довольно широкой линейкой, включая тезисы, т.н. небольшую статью для сборника конференции, программную статью объемом в печатный лист, автореферат диссертации, диссертацию, монографию и другие жанровые формы (это может стать одним из аспектов изучения современной научной коммуникации), настоящий анализ исходит не от жанров, а от базовых индикаторов текстовых продуктов научной коммуникации, которые включают актуальность, цель, методологию, единицу анализа. В статье сначала будет показано status-quo научных текстов по данным позициям и далее предложены те параметры, соблюдение которых будет способствовать качеству научной публикации. Исходной точкой и материалом анализа послужила довольно интенсивная личная практика рецензирования, оппонирования и руководства научной работой. Однако в силу научной этики не представляется возможным давать конкретные фамилии конкретных авторов при анализе публикаций, вызывающих критику и даже полное несогласие. В конечном итоге, речь идет не об индивидуальных публикациях, цель данного Круглого стола видится в попытке разобраться в том, что сейчас происходит в научной коммуникации, и обрести общую почву, т.н. common ground.

В тисках научной конъюнктуры, или в поисках актуальности

Одной из первых позиций, характеризующих вербальный продукт научной коммуникации в виде статьи, автореферата, диссертации или монографии, является актуальность исследования. Согласно толковому словарю, признак «актуальный» атрибутирует исследованию такие качества, как «важный, существенный для настоящего момента; злободневный,

насущенный, современный» (БТСР, 2004: 33). Различные пособия по написанию всех перечисленных выше изданий объясняют актуальность как то, что востребовано или необходимо сделать. Но как определить, на самом деле, эту востребованность или, тем более необходимость, особенно если дело касается лингвистики? Соответственно, мерой востребованности становится проведение исследования в рамках разрабатываемых ныне парадигм, а техническим определителем актуальности становится список литературы, в котором, по неписаному правилу, должны по большей части значиться работы последних 10 лет. Отсутствие таковых свидетельствует о застарелости темы и ее неактуальности. А что делать в таком случае с прорывными исследованиями, с неожиданным развитием идей классиков, которые получают второе или третье дыхание? Или актуальность – это начетничество в виде ссылок на большое количество современной литературы, буквально за уши притянутое к работе? В результате в некоторых работах актуальность превращается в обычную конъюнктуру: никакой злободневности и насущности для научных исследований таким образом понятая актуальность не привносит. Сакраментальной фразой определения актуальности становится речевой штамп: *актуальность обусловлена обращением к парадигме, активно разрабатываемой в настоящее время*. И, действительно, используется терминология той или иной модной парадигмы, которая ровным счетом ничего не дает для настоящего исследования. Если в нулевые такой расхожей монетой была когнитивистика, то в настоящее время это место занял дискурс-анализ. В результате вся лингвистика становится дискурсивной даже в том случае, когда дискурс не нужен ни как инструмент, ни как материал, когда вообще нет понимания того, что такое дискурс – метод или направление исследования. Кроме того, совершенно естественно возникает вопрос, почему все должно быть дискурсивно обусловленным? Куда ушел текст и другие единицы языкового анализа? Почему они перестали быть актуальными?

Другой подход к определению актуальности осуществляется через необходимость проведения того или иного исследования. Однако при этом четкого обоснования этой необходимости не приводится, она презюмируется. Что является основанием для необходимости, где и для чего будут востребованы авторские находки (не считая пресловутого использования в университетских курсах) – обо всем этом остается лишь догадываться и мысленно соглашаться или не соглашаться с автором.

По всей видимости, назрела необходимость определиться с актуальностью и обсудить, что это такое и как ее следует объяснять. Ведь актуальность может проистекать не только от парадигмы, но и от материала анализа, от методологии, которую надо проверить на эвристичность и т.п. Всё это далеко не праздные вопросы, которые бы заставили наших исследователей задуматься над насущностью, своевременностью и злободневностью своего исследования.

Фиговый листок новизны, или Капитан Очевидность

Другая проблема, которая довольно остро стоит перед современным ученым, связана с доказательством новизны и личного вклада в диссертационных исследованиях или конкретных результатов исследования в статьях. Любой опытный исследователь знает, как непросто описание новизны. Именно поэтому исследователь должен быть в курсе того, что было сделано в изучаемой им области до него, именно поэтому он должен дать экскурс, т.н. обзор (объем которого зависит от публикации), определиться с процедурой анализа и произвести его. Только результат этой поэтапной работы позволяет выделить те элементы новизны, о которых можно смело заявлять в публикации. То, что мы наблюдаем, особенно в жанре статьи, зачастую оказывается переписыванием известных истин. Обнаружение очевидных явлений, процессов и последствий, ради которых не надо или не сто́ит писать научную статью, поскольку все видно невооруженным глазом, – к сожалению, этим полны сборники т.н. научных работ.

Но есть и противоположная сторона медали, когда обзор дается только потому, что он должен быть. Точно такая же ситуация имеет место с бесконечными определениями, о чем пишет в своей статье Г. Г. Хазагеров (Хазагеров, 2010: 12-13). В обоих случаях – с обзором и с определениями – заключающей анализ точкой должна стать позиция автора по всем приведенным вопросам, объем аналитического обзора должен соответствовать текстотипу (жанру). Невозможно доказать новизну, не обратившись к достижениям предшественников. Но если автор теряет свою главную цель, то обзор (аналитический ли, дефинитивный) превращается в перемалывание общеизвестных истин, а многочисленные ссылки на работы предшественников при отсутствии аналитической селективности в «братские могилы».

Что же может помочь исследователю избежать всех перечисленных рисков? Это цель, которая ведет исследователя за собой, помогает отобрать материал по известному принципу количества Г.П. Грайса: не больше и не меньше, чем требуется (Грайс, 1985: 222). Цель как формирующий и структурирующий компонент научного текста заслуживает отдельного разговора.

Движение – всё, конечная цель – ничто, или змей о семи головах

Одним из слабых, если не сказать провальных мест научного текста, порою оказывается именно формулировка цели. К сожалению, нередко цель исследования представлена как анализ, описание или изучение, но ни один из этих видов деятельности не есть конечная точка исследования. Анализ, описание и изучение – это способы достижения цели, это задачи, которые ведут к достижению цели, ведь научное исследование предполагает получение результата. Хочется напомнить, что цель – это «то, к чему стремятся, чего хотят достичь; главная задача; основной замысел» (БТСР, 2004: 1460), некий конечный пункт следования. Соответственно хотелось бы, чтобы формулировка цели метила в ту исследовательскую «десятку», в

которую направлена «стрела познания» (известная метафора М.К. Мамардашвили (Мамардашвили, 1997)). Если же описание, изучение или анализ принять за конечную цель, то тогда научное исследование полностью подпадает под известную формулу “ренегата” Э. Бернштейна: «движение – всё, конечная цель – ничто».

Еще один недостаток вербализации телеологии исследования связан с тем, что зачастую цель формулируется как многочастный процесс: здесь и описание, и выявление, и анализ. Порою автор выделяет «главную цель», что автоматически предполагает наличие неглавной цели. Однако в научном тексте есть одна цель и множество задач, которые способствуют ее достижению. Хотелось бы, чтобы это всё четко отражалось в метаязыке научного дискурса.

Методология – наше всё

Одним из самых слабых мест многих отечественных научных публикаций является методологический блок, хотя «определение методологии и методов исследования – это основной исходный элемент любой научной работы» (Комарова, 2012: 4). Тем не менее, авторы научных публикаций порою просто “забывают” обозначать его в своих работах. Однако в реальности оказывается, что это далеко не техническое упущение. На самом деле, в этом опущении выражается непонимание или недопонимание того, что методология – это ключ к достижению поставленной цели и решению обозначенных задач. Как известно, суть метода состоит в том, что он позволяет получить одинаковые результаты любому исследователю, который использует данный метод. Если речь идет о крупной исследовательской публикации, то методы не только должны быть названы в соответствующей части работы, но и должно содержаться указание, для чего они использовались и как они работают на данном материале. Именно таким образом ученый открывает двери в свою исследовательскую лабораторию, иначе невозможно судить, имеем ли мы

дело с химиком или алхимиком. Интуитивное познание, безусловно, существует, но оно не может быть нормой для большинства публикаций, как не может быть нормой саморефлексия, признаваемая в ряде работ в качестве единственного или главного гносеологического инструмента.

Еще одна проблема методологического характера связана с проведением междисциплинарных исследований. Осуществляя выход на сопредельные с языком территории или вообще за пределы языковой реальности, исследователи теряют твердую для них почву, которая отвечает за объект, предмет и материал исследования, а вместе с нею и понимание необходимой для проведения соответствующего исследования методологии. Так, в начале становления лингвокогнитивного метода З. Д. Попова и И. А. Стернин с досадой отмечали: «Каждый автор находит свои решения, более или менее удачные, но, как мы уже сказали выше, не всегда лингвистические. Опора на сведения из смежных наук, построение общекультурных и историко-этимологических гипотез без опоры на языковой материал приводит исследователей к произвольным построениям» [Попова, Стернин, 2001: 16]. Данная lamentация относится ко многим исследованиям, которые осуществляются с амбициозной целью раздвинуть горизонты науки о языке. Вопрос о том, может ли лингвист себе позволить оставаться “чистым” лингвистом и не выходить в междисциплинарные области (именно так был поставлен вопрос на одной весьма авторитетной международной конференции в секции по междисциплинарности), надо все же решать не с точки зрения позволительности или непозволительности, а с точки зрения получения валидных, обоснованных результатов, гарантией чего является соответствующая методология.

Отдельного упоминания заслуживает метод наблюдения, который зачастую фигурирует в работах. Не отменяя важности данного метода, надо отметить, что это начальная точка, за которой должны следовать аналитические процедуры. Наблюдение – это стартовая позиция для изучения и описания, поскольку оно связано с чувственным этапом познания.

Однако за чувственным познанием должно следовать познание рациональное. Не оспаривая место и роль наблюдения в научном познании, хотелось бы подчеркнуть, что наблюдением научное исследование завершаться не может.

Подводя итоги рассмотрению важности и необходимости детально прописанного методологического блока, нельзя забывать о том, что метод организует исследование. Без методологии исследование рассыпается, теряет структуру и последовательность. Более того, именно метод обеспечивает валидность полученных выводов. Без метода сделанный автором вывод может быть как интуитивным прозрением, как и полной профанацией, что в большинстве своем и случается в публикациях. Соответственно, указание на задействованные методы и на то, как они используются, абсолютно обязательно для научных работ. Безусловно, методологический блок публикации может быть сокращен или развернут в зависимости от ее объема, но его наличие неоспоримо.

В завершение разговора о методологии научных исследований нельзя не привести пространную, но исчерпывающую цитату на этот счет из книги О. А. Леонтович: «Грамотное использование методов не только свидетельствует о компетентности ученого, но и является декларацией его исследовательской позиции. Надежная методика – это не только просто рабочий инструмент, это путь, по которому разворачивается ход рассуждений автора, позволяющий верифицировать полученные данные и подтолкнуть исследователя к генерированию новых идей и теорий. Нельзя войти в мировую науку и убедить своих коллег в достоверности полученных выводов, не соблюдая важнейшие требования к методологии научных изысканий» (Леонтович, 2011: 7).

“Единица – вздор, единица – ноль”, или в поисках утраченного предмета

Еще одной опасностью, которая преследует современных авторов, находящихся в погоне за востребованными парадигмами и столь же вожаделенной междисциплинарностью, является потеря единицы анализа. Как известно, лингвистика не сразу обнаружила свою единицу анализа, долго пребывая в лоне других наук. Однако произошла парадоксальная ситуация – в поисках новых объектов авторы забывают, с чем и в какой предметной области они работают. Вопрос о единице анализа, заданный докладчику на конференции, повергает часть исследователей в шок и даже порождает агрессивную реакцию: как можно спрашивать такую древность, ведь они занимаются актуальной проблематикой. Но любая исследовательская практика, любая парадигма имеет в виду ту непосредственную единицу, с которой работает исследователь. Междисциплинарные изыскания в той форме, в которой они описываются сейчас во многих работах, не имеют единицы исследования, либо эта единица принадлежит совсем другой области научного знания, о которой лингвист в силу своего образования и подготовки не имеет достаточного представления. Соответственно, теряется предмет исследования. И лингвист превращается в того самого Джека – мастера на все руки, который за все берется, но не все ему удается. Таким образом, в исполнении некоторых исследователей лингвистика, которая единодушно провозглашается как антропоцентрическая, поставившая человека во главу угла, теряет самое главное – свою предметную область. Ни в коей мере не отрицая важности междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, все же хочется выразить предположение, что такого рода работы должны выполняться командами, каждый член которой владеет своим инструментарием. И междисциплинарное и трансдисциплинарное исследование все равно предполагает единицу анализа. Иначе исчезает понимание того, с чем и как

работает ученый. В результате исследование превращается в профанное знание с натянутыми или интуитивными выводами.

Язык мой – враг мой?

Не имея цели давать полный анализ языковой составляющей научной коммуникации, тем не менее, хотелось бы отметить некоторые недостатки, которые характерны для определенной части работ. Среди них на первом месте стоят многословные конструкции с большим количеством генетивных оборотов. Это своеобразный бич русскоязычного официального языка, на который обратил внимание еще П. Серию, анализируя тексты советского периода. Одной из расхожих, но неистребимых ошибок продолжает оставаться классический пример тавтологии – фраза *целью работы является выявление...* И еще один крен, который порою бывает трудно избежать – это неоправданное использование галлицизмов в синтаксисе и англицизмов в лексике.

Золотой стандарт vs прокрустово ложе стандарта

В настоящее время те, кто имеет отношение к научной коммуникации, наблюдают процесс устрожения требований к научным публикациям – исследовательская деятельность подвергается стандартизации. В плане институциональной стандартизации (крупные статьи в представительных журналах) предъявляется требование обоснования актуальности, постановки конкретной цели, описания материала и методологии, а также наличия выводов по проведенному исследованию. Существуют требования к библиографии – как количественные, так и качественные. Трансформируются требования к аннотации для качественных изданий – аннотация должна быть самостоятельным текстом, в котором резюмируется всё сделанное: она должна раскрывать актуальность, цель, материал и методы наряду с конкретными результатами исследования. Не есть ли это тот самый золотой стандарт? Представляется, в такой постановке вопроса есть

большая доля здравого смысла – таким образом вводятся формальные и содержательные маркеры научного текста.

В лингвистическом плане представляется разумным опираться на имплицатуры речевого общения Г. П. Грайса, которые он определяет как количество, качество, отношение и способ (в других переводах – ‘манера’). Раскрывающие их постулаты как нельзя лучше соотносятся с языком научных публикаций. В количественном плане высказывание должно содержать (1) не меньше и (2) не больше информации, чем требуется. В плане качества требуется (1) не говорить того, что ты считаешь ложным, и (2) не говорить того, для чего у тебя нет достаточных оснований. Имплицатура «отношение» раскрывается через постулат релевантности, который призывает не отклоняться от темы. Применительно способа необходимо избегать (1) непонятных выражений; (2) неоднозначности; (3) ненужного многословия и быть организованным (Грайс, 1985: 222–223). Соблюдение этих коммуникативно-прагматических требований к научной коммуникации снимет многие из рекламаций к научным публикациям, в том числе и в части обесмысливания текста.

Кроме коммуникативно-прагматических особенностей, необходимо помнить и о жанровых требованиях. Текстовых репрезентантов научной коммуникации довольно много – это и малые формы (к примеру, тезисы), и средние (разного рода статьи для сборников), и большие (квалификационные работы и монографические исследования). Все они принадлежат разным жанрам, у которых есть свои законы. И эти законы касаются особенностей композиции, тематики и стиля.

Безусловно, любой стандарт имеет как свои плюсы, так и минусы. Одним из таких рисков является перерастание стандарта в отрицательно понимаемую стандартизованность и далее в шаблон, который будет порождать лишь подобие, но никак не саму науку. Для того, чтобы этого не происходило, существует институт рецензирования и оппонирования, организуются дискуссии внутри научного сообщества. Но исследователь

должен иметь в своих руках отточенные инструменты, а не единоличное мнение, что такое хорошо и что такое плохо в научной коммуникации. Есть все основания полагать, что научное сообщество подошло к пониманию необходимости внесения четких изменений в практику представления научного знания. Есть осознание потребности и целесообразности наличия рамки, которая бы упорядочивала письменные продукты научной коммуникации. Это не означает, что внесенные коррективы не оставят места эволюционным процессам: научная коммуникация не может не отражать веяний и веления времени. Также стандарт не может помешать выражению индивидуальности исследователя там, где творчество не препятствует точности научного знания. Однако, представляется, что назрела насущная необходимость трансформации научной коммуникации с тем, чтобы ее формы были прозрачны, структура логична, процедуры верифицированы, и выводы обоснованы.

В настоящей публикации затронуты далеко не все аспекты, определяющие специфику современной отечественной научной коммуникации. Отдельного разговора заслуживают списки литературы и требования к ним, место русского языка в письменной научной коммуникации, репутация и имидж исследователя, цифровизация, научное мошенничество, плагиат и т.д. и т.п. Можно быть уверенным, что эти вопросы найдут освещение в откликах других участников Круглого стола. В этом выступлении хотелось поставить лишь некоторые вопросы и поделиться соображениями, направленными на решение тех проблем, с которыми мы имеем дело, занимаясь не только своей собственной научной деятельностью, но и обучая студентов, аспирантов и докторантов правилам и законам научной коммуникации.

Ссылки – References in Russian

БТСР – *Большой толковый словарь русского языка* / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – 1536 с.

Грайс, 1985 – *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика / под ред. Е. В. Падучевой. – Москва: Прогресс, 1985.– С. 217–237.

Дубровская, 2019 – *Дубровская Т.В.* "А был ли метод?": О принципах и категориях современного дискурс-анализа // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода: сб. науч. ст. по материалам III Международной науч.-практ. конференции: в 2-х т. Т. I. Методы в лингвистике / под общ. ред. Т. В. Дубровской. Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – С. 9–15.

Иванова, 2019 – *Иванова С.В.* Не потеряться в дискурсивном пространстве: методология как компас // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода: сб. науч. ст. по материалам III Международ. науч.-практ. конф.: в 2-х т. Т. I. Методы в лингвистике / под общ. ред. Т.В. Дубровской. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – С. 15-19.

Камшилова, Чернявская, 2020 – *Камшилова О.Н., Чернявская В.Е.* Академическая репутация: дискурсивный анализ современной российской практики // Общество. Коммуникация. Образование. – 2020. – Т. 11, №1. – С. 69-80. DOI: 10.18721/JHSS.111105

Комарова, 2012 – *Комарова З.И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.

Леонтович, 2011 – *Леонтович О.А.* Методы коммуникативных исследований. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.

Мамардашвили, 1997 – *Мамардашвили М.К.* Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 304 с.

Попова, Стернин, 2001 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 191 с.

Сайко, 2015 – Сайко Е.А. Научные коммуникации в России: реалии и перспективы исследования проблемы // Научная периодика: проблемы и решения. – 2015, Том 5, № 5. – С. 208–212.

Хазагеров, 2010 – Хазагеров Г.Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс // Социологический журнал. – 2010, № 2. – С. 5–20.

References

Complete Dictionary of the Russian Language (2004) / Ed. S.A. Kuznetsov. SPb., Norint. 1536 p. (in Russian)

Grice, H. P. (1985) Logic and conversation // *New in Foreign Linguistics* / Ed. E.V. Paducheva, XVI: Linguistic Pragmatics. Moscow: Progress, pp. 276–302. (In Russian)

Dubrovskaya, T.V. (2019) "Was there a method?": Principles and categories of modern discourse analysis // *Modern trends in linguistics and language teaching: the problem of the method: collection of articles*. Materials from III International scientific-practical conf.: in 2 parts. Vol. I. Methods in linguistics / ed. by T.V. Dubrovskaya, Penza, PSU Publishing House, pp. 9–15. (in Russian)

Ivanova, S.V. (2019) Staying on the right track in discourse explorations: methodology as a compass // *Modern trends in linguistics and language teaching: the problem of the method: collection of articles*. Materials from III International scientific-practical conf.: in 2 parts. Vol. I. Methods in linguistics / ed. by T.V. Dubrovskaya, Penza, PSU Publishing House, pp. 15-19. (in Russian)

Kamshilova, O.N., Chernyavskaya, V.E. (2020) Academic reputation: a discursive analysis of modern Russian practice // *Society. Communication. Education*, 11 (1), pp. 69–80. DOI: 10.18721/JHSS.111105

Komarova, Z.I. (2012) *Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics*, Yekaterinburg, UrFU Publishing House, 818 p. (in Russian)

Leontovich, O.A. (2011) *Communication research methods*, M., Gnosis, 224 p. (in Russian)

Mamardashvili, M.K. (1997) *The arrow of knowledge (a sketch of natural historical epistemology)*, M., School "Languages of Russian culture", 304 p. (in Russian)

Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2001) *Essays on Cognitive Linguistics*, Voronezh, 191 p. (in Russian)

Sayko, E.A. (2015) Scholarly communication in Russia: realia and prospects of studying the problem // *Scientific periodicals: problems and solutions*, Vol. 5, No. 5, pp. 208–212. (in Russian)

Khazagerov, G.G. (2010) Senselessness of scientific discourse as an objective process // *Sociological journal*, No. 2, pp. 5–20. (in Russian)